

Обухова Т.М.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Obukhova Tatiana
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ЧЕЛОВЕК СТРАДАЮЩИЙ: ОПЫТ РАССМОТРЕНИЯ РУССКОГО СТРАДАНИЯ ГЛАЗАМИ
ИНОСТРАНЦЕВ*

*SUFFERING PEOPLE: THE EXPERIENCE OF STUDYING OF RUSSIAN SUFFERING IN THE
PERCEPTION OF FOREIGNERS*

Данная статья посвящена одной из главных черт русского национального характера – страданию – как физическому, так и душевному. Данный феномен рассматривается с двух противоположных сторон. Во-первых, осмысление страдания в русской литературе. Во-вторых, понимание и восприятие русского страдания глазами иностранных студентов, изучающих русский язык и русскую культуру.

В русской литературе страдание рассматривается как болезнь, тоска, уныние, утрата, сплин и др. Уязвимость русской души иностранцы пытались понять на примерах из произведений Ф. М. Достоевского, А. К. Толстого, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. И. Куприна, П. П. Ершова.

Результатом поиска значения страдания в русской культуре стало убеждение студентов в том, что страдание – это гордость русского человека, это «стиль» его жизни, это состояние души, это «форма блаженства».

Кроме того, страдание не заключено лишь только в литературе и истории, оно сопутствует русскому человеку в его повседневной жизни. Примером могут послужить такие на первый взгляд несвязанные явления и артефакты культуры как купание в проруби, банный веник, кулачные бои, многодневные застолья, атрибуты и феномены православной церкви и др.

Данная статья может быть полезна для всех людей, интересующихся русской культурой, и в особенности для студентов, аспирантов и преподавателей, занимающихся проблемами межкультурной коммуникации и русским языком как иностранным.

This article is devoted to the physical and spiritual suffering, which is one of the main traits of the Russian national character. This phenomenon is considered from two different sides: from the understanding of suffering in Russian literature and from the understanding and perception of Russian suffering through the opinion of foreign students studying Russian language and Russian culture.

Suffering is seen as a disease, depression, sadness, loss, boredom, etc. in Russian literature. Foreigners trying to understand the vulnerability of the Russian soul with examples from the works of F. Dostoevsky, A. K. Tolstoy, A. Pushkin, N. Gogol, I. Turgenev, A. Kuprin, P. Ershov.

The result of searching the meaning of suffering in the Russian culture is the student's belief that suffering is a proud of Russians, the "style" of their life, a state of mind and a "form of bliss".

Furthermore, suffering is not only in literature and history, it is in everyday life. For example, bathing in an ice-bath broom, fisticuffs, multi-day feast, the attributes and phenomena of the Orthodox Church, etc.

This article may be useful for all people interested in the Russian culture, and especially for graduate students and teachers working on issues of intercultural communication and Russian as a foreign language.

Ключевые слова: страдание в русской литературе, тоска, страдание в повседневности, русская культура, страдание в восприятии иностранцев.

Key words: suffering in Russian literature, longing, suffering in everyday life, Russian culture, suffering in the perception of foreigners.

В интервью историка и церковно-общественного деятеля профессора М. Эллиотта российскому религиоведу и социологу религии С. Б. Филатову первый сказал: «В русской культуре многое порождено опытом страдания. Этот опыт страдания я вижу в иконах, музыке, классической литературе» [Филатов, 2008].

Эту замечательную цитату дополнили иностранные студенты Высшей школы перевода (факультета), заметив, что опыт страдания – это гордость русского человека, проявляющаяся в моральном мазохизме. Студенты пришли к этой мысли после прочтения детских воспоминаний в статье «Как всё-таки русские любят страдать» А. Савельева в журнале «GQ».

Вот что вызвало бурное обсуждение в иностранной аудитории: «Мой первый фингал случился в детском саду. Мы собирали стрекоз в коробки из-под духов. Аккуратно хватали стрекоз за крылья и складывали. Дома насекомых можно было рассадить на тюль и хвастаться перед родителями. В тот день было жарко. У кустиков мы оказались без воспитателя. Пришли взрослые мальчики и отобрали все коробочки. Когда дошла очередь до меня, я отказался отдавать. И мне вмазали. Точно помню, что фингалом очень гордился. Когда синева пошла на спад, я тыкал под глазом ложкой. Было больно, но синева ненадолго возвращалась. На фингале в детском саду я долго держался авторитетом. По-моему, воспитательница Татьяна Геннадьевна даже позволяла мне пару дней не вставать при проигрывании гимна СССР. Возможно, я симулировал хромоту. Возможно, представлял, что пострадал и за Родину. Девочки носили мне книжки и конфеты. Так я познал плюсы боли... » [Савельев, 2015]

Размышления студентов ещё больше подкрепил текст «Путёвка в бомжи», предложенный для подготовки к экзамену для получения третьего сертификационного уровня владения русским языком, что соответствует европейскому уровню C1. В тексте, составленном по материалам журнала «Русский Newsweek», говорилось: «Среди состоятельных москвичей всё большую популярность приобретает не совсем обычное развлечение, а именно «игры в маргиналов»... Уставшие от собственного благополучия

любители острых ощущений могут приобрести недельный тур в армию с настоящей дедовщиной или в тюрьму, стать на два часа уличным музыкантом, официанткой, проституткой, душевнобольным или человеком без определённого места жительства (бомжем)» [Андрюшина, 2010, с. 61].

Первый возникший после прочтения этих отрывков вопрос: как же можно гордиться болью, унижением и страданием? Большинство студентов находилось в недоумении. Но вспомнив великие произведения русской литературы, артефакты русской культуры и историю страны изучаемого языка иностранцы ответили на свой вопрос, как это принято называть, «от обратного».

За первым примером можно «прогуляться» в сувенирные районы Москвы – Измайловский вернисаж или Старый Арбат. В рядах валенок, чебурашек, матрёшек и подносов висит сувенир, назначение которого становится понятным только после посещения русской бани, а именно банный веник. Разнообразие веников – берёзовый, дубовый, липовый, хвойный, эвкалиптовый и т.д. – понятно только русскому человеку – любителю банного церемониала. Одни веники успокаивают, расслабляют, восстанавливают силы, способствуют сну, другие наоборот оказывают возбуждающее воздействие. Для иностранца веник в первую очередь – орудие пыток, которым стегают друг друга, что есть силы. И к великому удивлению, после такой «пытки веником», претерпевания сильнейших физических страданий русский человек выходит бодрым и счастливым.

Н. В. Гоголь в одном из самых первых писем в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», а именно в третьем письме (1846), адресованном А. П. Толстому, как раз размышляет о значении физических страданий человека для его духовного возрождения: «...Силы мои слабеют ежеминутно, но не дух. Никогда еще телесные недуги не были так изнурительны. Часто бывает так тяжело, так тяжело, такая страшная усталость чувствуется во всем составе тела, что рад бываешь, как Бог знает чему, когда наконец оканчивается день и доберешься до постели. Часто, в душевном бессилии, восклицаешь: «Боже! где же наконец берег всего?» Но потом, когда оглянешься на самого себя и посмотришь глубже себе внутрь — ничего уже не издает душа, кроме одних слез и благодарения. О! как нужны нам недуги! Из множества польз, которые я уже извлек из них, скажу вам только одну: ныне каков я ни есть, но я все же стал лучше, нежели был прежде; не будь этих недугов, я бы задумал, что стал уже таким, каким следует мне быть... » [Гоголь, 1993, с. 27].

На банном венике физические страдания не заканчиваются. Купание в проруби (иордани) с ледяной водой на Крещение тоже можно отнести к физическим мукам. Иностранцы недоумевают: зачем в лютый мороз окунаться в прорубь? А в эти дни в России всегда холодно – выражение есть: «крещенские морозы». Например, в 2014 году в Москве оборудовали 46 купелей. Самыми массовыми стали купания в Терлецких прудах и Измайловском лесопарке⁹⁰. Иностранцы, наблюдающие за «русским обрядом» в тёплых пуховиках и с фотокамерой в руках, при всей любви к изучаемой ими русской культуре не могут понять, как можно очистить душу и смыть грехи, отстояв очередь в 20 градусный мороз и окунувшись в прорубь трижды, при этом выговаривая «Бррр, хорошо». И ещё более удивляются поверью, что после такого заплыва не заболеешь.

Настоящей атмосферной русской жизнью позволяют проникнуться Новый год, Рождество, Масленица. Но вот вопрос: зачем же драться во время праздника? К примеру, кулачные бои, известные ещё со времён Гомера и входившие в программу Олимпийских игр в Древней Греции, проводятся обычно с Масленицы до Троицы. Удивляет не только само существование такого физического «истязания», но и деление его на виды: «один на один», «стенка на стенку», что делает потенциальное причинение «страдания» более изощрённым. А если познакомиться с правилами этой жестокой забавы, то можно смело называть русских мазохистами. Например, в книге, посвящённой русской профессиональной драке, можно найти следующие правила: «Бить можно было в любую часть тела выше пояса, но старались попадать в голову, в солнечное сплетение («в душу»), и под рёбра («под микитки»)» [Шатунов, 2002, с. 187].

Многодневное новогоднее застолье тоже не оставляет равнодушным, скорее ещё больше убеждает иностранцев в желании русского человека испытать свои силы и выносливость. Шампанское, салаты, каток, гирлянды, телевизор, родственники – и так всю неделю. После такого марафона не остаётся сомнений, что сила русского народа как в выдержке и воле, так и в нескончаемом настоятельном желании создать себе трудности, чтобы потом их преодолеть, из человека страдающего превратиться в человека победившего. Такая действительность для русских прекрасна, а «страдание есть только форма блаженства» [Белинский, 2013, с. 433].

Есть и такой род страдания в России, который относится уже к мукам душевным – страдание-тоска, страдание-хандра, страдание-тоска. В. Г. Белинский так его описывал:

---

⁹⁰ По данным газеты «Аргументы и факты», публикация от 10.01.2014 г.

«Какая жизнь! Вот оно, то страдание, о котором так много пишут и в стихах и в прозе, на которое столь многие жалуются, как будто и в самом деле знают его: вот оно страдание истинное, без котурна, без ходуль, без драпировки, без фраз, страдание, которое часто не отнимает ни сна, ни аппетита, ни здоровья, но которое тем ужаснее!.. Спать ночью, зевать нѣм, видеть, что все из чего-то хлопочут, чем-то заняты, одни деньгами, другой женитьбою, третий – болезнью, четвертый – нуждою и кровавым потом работы, - видеть вокруг себя и веселье и печаль, и смех и слѣзы, видеть это и чувствовать себя чуждым всему этому, подобно Вечному жиуду, который среди волнующейся вокруг него жизни сознаёт себя чуждым жизни и мечтает о смерти, как о величайшем для него блаженстве; это страдание, не всем понятное, но оттого не меньше страшное...» [Белинский, 2008, с. 84]

Действительно понять это род страданий русского человека крайне трудно. Важнее даже тот факт, что студенты-иностранцы знают о его существовании, в чём помогают курсы «Русская литература», «Мир русского языка и культуры».

Хочется привести ещё несколько литературных примеров, отражающих страдание-тоску. «На меня нашло странное, неопределѣнное беспокойство. Вот, думалось мне, сижу я глухой и ненастной зимней ночью в ветхом доме, среди деревни, затерявшейся в лесах и сугробах, в сотнях верст от городской жизни, от общества, от женского смеха, от человеческого разговора... И начинало мне представляться, что годы и десятки лет будет тянуться этот ненастный вечер, будет тянуться вплоть до моей смерти, и так же будет реветь за окнами ветер, так же тускло будет гореть лампа под убогим зеленым абажуром, так же тревожно буду ходить я взад и вперед по моей комнате, так же будет сидеть около печки молчаливый, сосредоточенный Ярмола – странное, чуждое мне существо, равнодушное ко всему на свете: и к тому, что у него дома в семье есть нечего, и к бушеванию ветра, и к моей неопределенной, разъедающей тоске» [Куприн, 1979, с. 27].

В вечерней тишине один с моей мечтой
Сижу, измученный безвестною тоскою.
Вся жизнь прошедшая, как летопись годов,
Раскрыта предо мной: и дружба, и любовь,
И сердцу сладкие о днях воспоминанья
Мешаются во мне с отравою страданья.
Желал бы многое из прошлого забыть
И жизнью новою, другою пережить.

Но тщетны поздние о прошлом сожаленья:

Мне их не возвратить, летучие мгновенья! [Ершов, 1989, с. 92]

«Раскинулась перед Максимом родная Русь; весело мог бы он дышать в её вольном пространстве; но грусть легла ему на сердце, широкая русская грусть. Задумался он о покинутой матери, о своём одиночестве, обо многом, в чём и сам не отдавал себе отчёта; задумался и затянул, в раздумье, протяжную песню...

Максим пел о горемычной своей доле, о золотой волюшке, о матери сырой-дуброве... Он поручал ветру отдать поклон матери. Если бы кто услышал эту песню, запала б она тому в душу, и часто, в минуту грусти, приходила бы на память...

Наконец, когда тоска стала глубже забирать Максима, он подобрал поводья, поправил шапку, свистнул, крикнул и полетел во всю конскую прыть» [Толстой, 1961, с. 171].

25 марта 1936 года М. Горький писал М. Зощенко после прочтения «Голубой книги»: «Эх, Михаил Михайлович, как хорошо было бы, если б вы дали в такой же форме книгу на тему о страдании! Никогда и никто ещё не решался осмеять страдание, которое для множества людей было и остаётся любимой их профессией. Никогда ещё и у никого страдание не возбуждало чувства брезгливости. Освещённое религией «страдающего бога», оно играло в истории роль «первой скрипки», «лейтмотива», основной мелодии жизни» [Горький, 1963, с. 169].

В книге-размышлении И. С. Тургенева «Стихотворения в прозе» есть такое житейское правило: «Хочешь быть спокойным? Знайся с людьми, но живи один, не предпринимай ничего и не жалей ни о чём. Хочешь быть счастливым? Выучись сперва страдать» [Тургенев, 1976, с. 80].

Говоря о русских чертах мировосприятия, Н. А. Бердяев замечает, что «всегда боялся счастливых, радостных минут; именно в эти минуты с особой остротой вспоминал о мучительной жизни» [Бердяев, 1997, с. 42].

Проблема моральной правомерности счастья достигает национального осмысления в драматическом произведении А.С. Пушкина «Борис Годунов», где о невозможности счастья говорит царь [Пушкин, 1978, с. 184]:

Шестой уж год я царствую спокойно.

Но счастья нет моей душе.

Ни власть, ни жизнь меня не веселят;

Предчувствую небесный гром и горе.

Мне счастья нет.

О том, что русские страстно одержимы культом страдания, написал несколько исследований ученый-русист Ранкур-Лаферьер. В книжке «Русская литература и психоанализ» он разложил Татьяну Ларину, Карамазовых, Мышкина, Анну Каренину, героев Тургенева и почти всю русскую классику на простой алгоритм: все неудержимо хотят страдать, всех тянет на боль. Кому на Руси жить хорошо? Одним словом: никому. Всем плохо, потому и герои. Бродский в 1972 году в Вене рассуждал на эту тему так: «Только через страдание человек становится человеком. Достоевский был прав!» После Бродский сделал паузу (аудиозапись интервью сохранилась) и продолжал: «Я вот смотрю, у вас в Европе хорошо, в магазинах изобилие. Права соблюдаются, от рождения человек свободен. За что человеку тогда бороться, ради чего ему жить? Ради шопинга!» [Морев].

«Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца», – утверждал Ф.М. Достоевский [Достоевский, 1982, с. 46]. Следовательно, мир вообще основан на страдании, а страдание – это обязательный атрибут человеческого бытия. Ф. М. Достоевский сформулировал важную мысль о том, что человек совсем не благоразумное существо, стремящееся к счастью, а существо иррациональное, имеющее потребность в страдании, что страдание и есть причина возникновения человеческого сознания. При этом русский человек способен выносить страдания лучше западного и вместе с тем, он исключительно чувствителен к страданию, он более сострадателен, нежели человек западный.

Русский человек – человек православный в представлении иностранцев. В православном богослужении самых первых мучеников поминают и почитают гораздо больше, чем в большинстве западнохристианских. Атрибуты православной веры тоже заставляют задуматься над некоторым подобием мазохизма русских. Например, власяница – длинная грубая рубашка из волос или козьей шерсти; которую аскеты носили на голом теле для умерщвления плоти. Уроку страдания-смирения учит и соблюдение поста – аскетического подвига и системы воздержания от жизненных удовольствий, и благ, – которых в православном календаре в год насчитывается двадцать.

Особенность русской культуры состоит в её терпимости к боли, в том, что она растёт и расцветает в страдании. Русские люди постоянно страдают в глазах иностранцев, о чём говорят и «хмурые» лица, и привычки русских, и их великая культура, а в особенности литература.

В 1924 г. М. Горький высказался о русской литературе весьма саркастически: «Русская литература – самая пессимистичная литература Европы; у нас все книги пишутся на одну и ту же тему о том, как мы страдаем, – в юности и зрелом возрасте: от недостатка разума, от гнёта самодержавия, от женщин, от любви к ближнему, от неудачного устройства вселенной; в старости: от сознания ошибок жизни, недостатка зубов, несварения желудка и от необходимости умереть» [Горький, 1963, с. 504].

Таким образом, «моральный мазохизм и культ страдания» [Ярская-Смирнова] являются определяющими характеристиками русской литературы, культуры и жизни в целом.

Список литературы

- Андрюшина Н. П.* Тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. III сертификационный уровень. Общее владение / Н. П. Андрюшина, А. П. Жорова, М. Н. Макова, Л. Н. Норейко. СПб.: Златоуст, 2010. 152 с.
- Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. Том 3 / В. Г. Белинский. М.: Книга по требованию, 2013. 679 с.
- Белинский В. Г.* Статьи о русской литературе / В. Г. Белинский. М.: Владос, 2008. 240 с.
- Бердяев А. Н.* Русская идея. Судьба России / А. Н. Бердяев. М.: Издательство В. Шевчук, 1997. 542 с.
- Биллингтон Дж. Х.* Лики России: Страдание, надежда и созидание в русской культуре / Дж. Х. Биллингтон. М.: Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино, 2001. 248 с.
- Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь. М.: Патриот, 1993. 400 с.
- Горький и советские писатели. Неизданная переписка // Литературное наследие. Том 70. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. 742 с.
- Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. М.: Литература артистикэ, 1982. 576 с.
- Ершов П. П.* Грусть / П. П. Ершов. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1989. 224 с.
- Куприн А. И.* Олеся / А. И. Куприн. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1979. 80 с.
- Морев Г.* Иосиф Бродский: неизвестное интервью [Электронный ресурс] / Г. Морев. – Режим доступа: <http://www.colta.ru/articles/literature/907>
- Перевезенцев С. В.* Фёдор Михайлович Достоевский [Электронный ресурс] / С. В. Перевезенцев. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/35585.php>
- Пушкин А. С.* Борис Годунов / А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. Том 2. М.: Художественная литература, 1978. 414 с.
- Савельев А.* Как всё-таки русские любят страдать [Электронный ресурс] / А. Савельев // GQ (Gentlemen's Quarterly). № 4 (165). Апрель 2015. – Режим доступа: http://www.gq.ru/magazine/columns/107559_kak_vse_taki_lyubyat_russkie_stradat.php
- Толстой А. К.* Князь Серебряный / А. К. Толстой. М.: Московский рабочий, 1961. 352 с.
- Тургенев И. С.* Стихотворения в прозе / И. С. Тургенев. М.: Художественная литература, 1976. 224 с.

Филатов С. Б. Профессор Марк Эллиотт: «В русской культуре многое порождено опытом страдания. Этот опыт страдания я вижу в иконах, музыке, классической литературе». Интервью историка и церковно-общественного деятеля профессора Марка Эллиотта [Электронный ресурс] / С. Б. Филатов // Русское ревью. № 3. Ноябрь 2008. – Режим доступа: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition32/01mark-elliott-interview.html

Шатунов М. В. Русская профессиональная драка / М. В. Шатунов. М.: Рипол Классик, 2002. 558 с.

Ярская-Смирнова Е. Р. Русскость как диагноз [Электронный ресурс] / Е. Р. Ярская-Смирнова. – Режим доступа: www.soc.pu.ru/publications/jssa/2000/1/19jarskaja.html